

В. Г. БОГОРАЗ

1865—1936

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
институт антропологии,
археологии и этнографии

ГУСМП при СНК СССР
научно-исследовательская
ассоциация
института народов Севера
им. П. Г. СМИДОВИЧА

Эт
Б 745
32 · 5
323a

ПАМЯТИ
В. Г. БОГОРАЗА
(1865—1936)

СБОРНИК СТАТЕЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1937 ЛЕНИНГРАД

Ответственный редактор академик И. И. Мещанинов

Члены редколлегии: И. Н. Винников, Д. К. Зеленин, С. В. Иванов
и С. Н. Стебницкий

Секретарь редколлегии В. В. Храмова

Технический редактор М. И. Стеблин-Каменский. — Ученый корректор Н. А. Малевич

Сдано в набор 1 октября 1936 г. — Подписано к печати 2 сентября 1937 г.

XX + 382 стр. (112 фиг. в тексте) + 8 вклейк

Формат бум. 72×110 см. — 28 печ. л. — 30,95 уч.-авт. л. — 53,728 тип. зн. в л. — Тираж 1500
Ленгорлит № 4363. — АНИ № 1302. — Заказ № 1981

Типография Академии Наук СССР. Ленинград, В. О., 9 линия, 12

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.
V

Д. К. Зеленин. В. Г. Богораз — этнограф и фольклорист

I

С. В. Иванов. Медведь в религиозном и декоративном искусстве народностей Амура	1
Д. К. Зеленин. Обычай „добровольной смерти“ у примитивных народов	47
Т. И. Петрова. Времячисление у тунгусо-маньчжурских народностей	79
Н. П. Дыренкова. Пережитки идеологии материнского рода у алтайских тюрков	123
А. А. Попов. Охота и рыболовство у долган	147
А. И. Никифоров. Чукотский сказочник и русская сказка	207
Н. Н. Степанов. К истории освободительной борьбы народностей северо-востока Сибири в XVII в.	213
Н. Г. Шпринцин. Индейцы сирино	227
В. И. Равдоникас. Неолитические поселения западного Приладожья в свете этнографии некоторых народов северо-восточной Азии	257

II

С. Н. Стебницкий. Основные фонетические различия диалектов нымыланского (корякского) языка	285
Г. Н. Прокофьев. К вопросу о переходном залоге в самоедских языках	310
К. М. Мыльникова. История развития тунгусо-маньчжурской лодки по данным языка	325
В. Н. Чернецов. Термины средств передвижения в мансийском языке	349
Д. А. Ольдерогге. Определение времени и пространства в языках банту	367

С. Н. СТЕБНИЦКИЙ

ОСНОВНЫЕ ФОНЕТИЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ ДИАЛЕКТОВ НЫМЫЛАНСКОГО (КОРЯКСКОГО) ЯЗЫКА

Начало сравнительному изучению языков чукотской, точнее, луораветланско-нымыланско-ительменской (чукотско-корякско-камчадальской), группы, положил покойный В. Г. Богораз-Тан. В 1922 г. в Америке вышла его большая сравнительная грамматика луораветланского, нымыланского и ительменского языков „Chukchee“, помещенная в „Handbook of American Indian Languages“, изданном под редакцией известного американиста Франца Боаса.¹ Эта капитальная работа дает нам не только подробный анализ фонетики и морфологии рассматриваемых языков, но благодаря богатству и глубине сконцентрированного в ней материала позволяет сделать вывод о весьма близком морфологическом и лексическом родстве языков луораветланского и нымыланского, а также о близости этих языков ительменскому.

Таким образом, на долю В. Г. Богораза пала не только заслуга пионера-исследователя, открывшего перед языковедческой наукой области, долгие неведомые, бывшие белым пятном на лингвистических картах мира, но также и почетная заслуга ученого-лингвиста, давшего глубокий анализ огромной массы собранного и изученного им материала.

Указанная работа В. Г. Богораза намечает также и дальнейший путь исследований в области изучения этих языков.

Коль скоро вскрыто морфологическое единство и установлено лексическое родство изучаемых языков, дальнейшее исследование должно ити по этапам четкого выявления и объяснения отличительных особенностей каждого из языков: а) фонетических, б) морфологических, с) синтаксических и д) лексических.

Настоящая статья представляет собою начало работы по сравнительному изучению диалектов нымыланского (корякского) языка. Здесь собран материал, вскрывающий основные фонетические различия диа-

¹ Smithsonian Institution. Bureau of American Ethnology. Bulletin 40, part 2, pp. 631—903. Washington, 1922.

лектов нымыланского языка с привлечением сравнительного материала из языка луораветланского (чукотского). Переходя к изложению материала, считаю необходимым с самого начала сделать следующую оговорку: термин „диалект“ употребляется нами условно. Повидимому, при более детальном этнографическом и более глубоком лингвистическом изучении нымыланов большую часть рассматриваемых диалектов придется признать просто говорами нымыланского языка.

1. РАСПРЕДЕЛЕНИЕ НЫМЫЛАНОВ ПО ДИАЛЕКТАМ

В нымыланском языке мы насчитываем восемь диалектов. Диалект не является единственным отличительным признаком того или иного подразделения говорящих на данном диалекте нымыланов. Каждое подразделение нымыланов, говорящее на том или ином диалекте, кроме языковых особенностей, довольно резко выделяется из среды остальных по способам хозяйства. Можно отметить ряд отличительных черт в области социальных традиций, верований того или иного подразделения. Проводя сравнение между отдельными подразделениями нымыланов в области экономики, мы можем с достаточной определенностью характеризовать чавчуенов как оленеводов, нымыланов-алюторцев как рыболовов, нымыланов паренцев и каменцев как морских охотников, нымыланов палланцев как охотников на пушного зверя. Конечно, это не значит, что палланцы занимаются исключительно охотой. У них достаточно развиты и рыболовство и морской промысел. У нымыланов-алюторцев мы встречаем даже оленеводство. Но дело в том, что для каждого подразделения нымыланов характерен тот или иной основной стержень хозяйства, накладывающий на него свой отпечаток, и на ряду с языковым признаком различия довольно резко выделяющий данное подразделение из среды остальных.

Особенно резко выделяются из общей среды чавчуены, составляющие не менее 50% нымыланской народности. Для всех прочих подразделений нымыланов, кроме чавчуенов, характерен комплексный тип хозяйства, в котором с более или менее равной степенью значимости объединены морская охота, охота на пушного зверя и рыболовство (у алюторцев также оленеводство). Чавчуены же, напротив,— ярко выраженные оленеводы. Можно даже сказать, что они— только оленеводы. Морской промысел чавчуенам совершенно чужд. Пушная охота для них— слаборазвитый подсобный промысел. И даже рыболовство не играет особенно значительной роли в их хозяйстве.

Интересно отметить, что в сознании нымыланов резко проводится эта грань, выделяющая чавчуенов из среды остальных групп оседлых, точнее, полуоседлых нымыланов. Ни сами чавчуены, ни нымыланы никогда не объединяют их с прочими группами общим самоназванием пъты'и—‘поселяне’, ‘жители’. Говоря о чавчуенах, нымыланы всегда

называют их (так же как и чавчувины сами себя) — *sáwśvaw*, *ʂɔʂivu* (ед. ч. *sáwśw*, *ʂɔʂiv*).¹

Однако прежде чем говорить о каждой языковой группировке нымыланов в отдельности, посмотрим, как расселены они в пределах

¹ Название и самоназвание чавчувиных — *sáwśw* (чавчувенский диалект), *ʂɔʂiv* (аюторский диалект) не поддается точному переводу. В. Г. Богораз переводит это слово (существующее также в лураветланском языке) как „богатый оленями“. Однако в нымыланском языке оно не имеет такого значения и означает лишь: „принадлежащий к группе оленеводов, говорящих на чавчувенском диалекте“. Вероятнее всего, что слово *sáwśw* происходит от корня *cajs*, *tajl* — *cajsyvju* — ‘движение’. В таком случае точное значение слова *sáwśw* определяется, как ‘движущийся’ (точнее ‘движенец’), т. е. ‘кочевник’.

Все „скаски“ и „отписки“ казаков завоевателей Камчатки проводят резкую грань между „оленными“ и „сидячими“ коряками. Например, в „скаске“ пятидесятника Владимира Атласова от 10 февраля 1701 г. мы читаем: „А на Пенжине живут коряки пустобородые, лицом русковаты, ростом средние, говорят своим особым языком... А юрты у них оленьи и рондужные. А за теми коряками живут иноземцы люторцы, а язык и во всем подобие коряцкое, а юрты у них земляные, подобные остяцким юртам. А за теми люторцы живут по рекам камчадалы — возрастом невелики...“ и т. д. (Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке. Сборник архивных материалов. Изд. Инст. народов Севера ЦИК СССР, Л., 1935, стр. 31). Последующие „отписки“ вносят еще более мелкие подразделения, упоминая о коряках. „Точно хотели русских людей искоренить олюторы с оленными и сидячими коряками...“ (Допрос служилого А. Лазукова, — там же, стр. 102). И несколько ниже: „...хотели они, коряки, оленной свой табун оставить на Караге а сами с олюторами и со всеми укинскими мужиками быть хотели в вешнее время байдарами морем“ (стр. 103). „Доношение“ майора А. Зыбина от 17 декабря 1753 г. различает „изменников чараб к корякам...“ (стр. 125). Издатель сборника делает совершенно справедливое примечание: „Чарабы — очевидно извращенное чаучу, т. е. коряки-кочевники“ (стр. 196).

Такое же подразделение коряцкой народности мы находим и у С. Крашенинникова: „Коряки разделяются просто на два же народа на оленных и сидячих“. — Описание земли Камчатки, т. II, стр. 3, СПб., 1786. Интересны замечания С. Крашенинникова о говорах и диалектах нымыланского языка. „Главная разность сего народа (коряков. — С. С.) от камчадалов состоит в языке, в котором по счислению господина Стеллера три диалекта первым диалектом или коренным языком говорят Сидячие Коряки у Пенжинского моря и Олени; и сей язык выговаривается мужественно и крепко. Другой диалект, который употребляется у Олюторов и от Россиия вторым морским Коряцким языком называется, весьма крепче помянутого. Третей Чукоцкой, которой выговаривается легче, мягче и с свистом. Впрочем между всеми диалектами такое сходство, что Коряки, Чукчи и Олюторы без труда друг друга разуметь могут.“

„Но есть ли Олюторской диалект почесть за особливой, то столько почти будет диалектов в Коряцком языке, сколько острожков; ибо нет такого острожка, в котором бы не было против других знатной отмены; таким образом Укинской, Карагинской, островной Карагинской и Чендонской могут называться особливыми диалектами. А за коренной Коряцкой язык почитают тот, которым говорят Олениные Коряки, для того, что в нем ни где нет большей разности...“ (Там же, т. II, стр. 168.)

К. Дитмар подразделял коряков на 5 групп по языковому признаку, выделяя диалект кочевых коряков, как особый и кроме того насчитываю 4 оседых диалекта: каменский, палланский, укинский и олюторский (C. von Dittmar „Ueber die Koräken und die ihnen sehr nahe verwandten Tschuktschen“, SS. 7—20, изд. АН, СПб., 1856).

Проф. В. Г. Богораз, отмечая диалектические различия в нымыланском языке, подразделял диалекты на две группы: западную и восточную, и причислял чавчувенский диалект к западной группе (W. Bogoras. Koryak texts. Leyden, 1917, p. 2).

Корякского национального округа Камчатской области Дальневосточного края.

Административные границы Корякского национального округа являются фактическими границами расселения нымыланов, с той лишь оговоркой, что юго-западный угол территории округа (южная часть Тигильского района) занят 8 ительменскими поселками, — от с. Седанка на севере, до с. Сопочное — на юге. На тундрах, расположенных между поселками ительменов, мы встречаем чавчувенские кочевья вплоть до бывшего (ныне не существующего) ительменского поселка Белоголовое.

Кроме нымыланов (включая чавчувенов), представляющих собой основную массу населения округа (61%),¹ и ительменов (803 чел.) в пределах Корякского национального округа живут следующие народности:

а) Эвены (ламуты), числом свыше 600 чел., небольшими группами они кочуют в пределах всей территории округа. Эвены целиком усвоили способы оленеводства чавчувенов. Все они хорошо владеют чавчувенским диалектом нымыланского языка. Сплошь и рядом мы встречаем кочевья со смешанным эвенско-чавчувенским населением. Словом, эвенов, кочующих в пределах Корякского национального округа, мы можем считать в значительной степени ассимилировавшимися с чавчувенами.

б) На севере округа, в районе хребта Палпал и верхнего течения р. Пенжины кочевья чавчувенов перемежаются с довольно компактной массой луораветланских (чукотских) кочевий. Численность луораветланов, кочующих в пределах Корякского национального округа, — 1024 чел. Луораветланы в противоположность эвенам держатся несколько особняком. В районе их распространения встречаются чавчувины и нымыланы, свободно говорящие по-луораветлански.

с) Почти во всех оседлых пунктах округа в настоящее время мы встретим русских. Общее число русских в округе, включая и камчадалов (обрусевших ительменов), — 1547 чел.

Корякский национальный округ разделяется на 4 района:

1. Пенгинский район, — северный, территория 163182 кв. км (около 50% территории всего округа) — включает в себя п-ов Тайгонос, все побережье Пенгинской губы до с. Рекинников — на юге, бассейны рр. Пенжины и Кулюл-вээм, а также район хребта Палпал. Районный центр (райисполком) в с. Каменское (Vaj'kypap) на устье р. Пенжины.

2. Олюторский район² — северо-восточный, занимает побережье Берингова моря от с. Хатырки — на севере до бухты Анапка — на юге, а также бассейны рр. Апуки, Пахачи, Хайилины, Вывенской и Луно-ваям.

¹ Приводимые данные о численности населения и о величине территории взяты из работы М. А. Сергеева „Корякский национальный округ“. Труды научно-исследовательской ассоциации Института народов Севера по экономике, т. I, Л., 1934.

² Следует именовать: Алюторский район, поскольку название образовано от национального названия поселка Alut на берегу бухты Корфа.

Районный центр (райисполком) в с. Теличики (Tellyssan или Till'rran) на берегу бухты Корфа.

3. Карагинский район — юго-восточный, территориально самый маленький, но наиболее развитой экономически и культурно, занимает бассейны рр. Анапки, Кичиги, Кааги (побережье Берингова моря от бухты Анапки — на севере до с. Хайлюль — на юге) и Карагинский остров. Районный центр в с. Каага (Qaqāñp'yn).

4. Тигильский район, — юго-западный, территория 54305 кв. км от с. Подкагерная — на севере до с. Сопочное на юге. Восточная граница Тигильского района — Камчатский хребет. Районный центр с. Тигиль (Wújwyl).

Оседлые группы нымыланов занимают по побережьям Охотского и Берингова морей полосу территории шириной от 20 до 50 км. Средняя часть округа — хребты и прилегающие к ним тундры заняты кочевниками-чавчувенами. Чавчувины сплошной непрерывной массой встречаются в глубине каждого из 4 районов округа. В Тигильском районе и в северной части Алюторского района (близ устья рр. Апуки и Пахачи) кочевья чавчувенов можно встретить на самом берегу моря. Кочевники — чавчувины составляют не менее 50% всей нымыланской народности.

Оседлые группы нымыланов по районам распределяются следующим образом (начиная с северо-запада):

1. Итканцы — на западе Пенжинского района (восточное побережье п-ова Тайгонос) — с. Итканы (Etkánnon) верхняя, средняя и нижняя.

2. Паренцы — с. Парень (Rójtyl) — на восточном побережье п-ова Тайгонос.

3. Каменцы — многочисленная и своеобразная в экономическом, этнографическом и лингвистическом отношениях группа нымыланов, занимает большую часть побережья Пенжинской губы от с. Микино — на севере до с. Мамеч — на юге, — основной поселок — Каменское (Vájk'pan) на устье р. Пенжинь (Пенжинский район).

4. Апукинцы — небольшая группа нымыланов, расселившаяся в бассейне р. Апуки и по побережью Олюторского залива (северная часть Алюторского района), — основной поселок „Арók-kadžyñp“ („Устье Апуки“).

5. Алюторцы — самая значительная по численности (около 2000 чел.) группа нымыланов. В настоящее время не менее 55—60% алюторцев — кочевники-оленеводы. Алюторцы занимают побережье бухты Корфа (Алюторский район) и далее на юг до с. Тымлат в северной части Карагинского района. Кочевые алюторцы по долине р. Анапки заходят в пределы Пенжинского и Тигильского районов вплоть до сс. Рекинники и Подкагерная.

6. Каагинцы — небольшая группа близко родственная алюторцам, занимают побережье пролива Литке, — сс. Каага (Qaqāñp'yn), Дранка, Ивашка (Mivapp'yn), — Каагинский район.

7. Палланцы — поселки: Лесная (Wejémlen), Кинкиль (Kinkilatun), Паллана (Qыс'ет), Кахтана (Qакъ'пнон), Ваямполка (Wajátpыlqan) — в северной части Тигильского района.

Подсчет нымыланов по признаку принадлежности к той или иной языковой группировке никогда не производился. Численность каждого подразделения нымыланов можно определить лишь приблизительно, основываясь на данных переписи 1926 г.¹

По приблизительному подсчету мы насчитываем:

1) чавчунов	3500—3700	чел.
2) алюторцев	1800—2000	"
3) каменцев	700—750	"
4) палланцев	450—500	"
5) карагинцев около	300	"
6) апукинцев "	200	"
7) паренцев "	150	"
8) итканцев "	100	"

Ознакомившись вкратце с экономическими особенностями каждого подразделения нымыланов, говорящего на том или ином диалекте, с их расселением в пределах Корякского национального округа и примерной численностью каждой группы, можно перейти непосредственно к сравнительному анализу диалектов нымыланского языка. Первым этапом сравнительного анализа мы вынуждены избрать рассмотрение основных фонетических различий между диалектами, так как по этой линии наиболее резко разнятся между собою диалекты нымыланского языка.

2. ФОНЕТИЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ ДИАЛЕКТОВ

Основные отличия диалектов нымыланского языка друг от друга, как уже было сказано выше, — отличия фонетические.

Восемь диалектов нымыланского языка можно сгруппировать по двум признакам.

I

a) Диалекты, характеризующиеся звуком j (условно будем называть их „я-кающими“).

b) Диалекты, характеризующиеся звуками t, r, („ра-кающие“ или „та-кающе-ра-кающие“).

II

a) Диалекты, характеризующиеся звуком e („э-кающие“).

b) Диалекты, характеризующиеся звуком a („а-кающие“).

I. Будучи разделены по первому признаку, диалекты распадаются на северную „я-кающую“ группу и южную „ра-кающую“. В северной группе мы насчитываем 5 диалектов, в южной — 3 диалекта.

¹ Список населенных мест Камчатского округа — Дальневосточное краевое статистическое управление, Хабаровск — Благовещенск, 1928.

Таблица 1

а) „Я-кающая“ (северная) группа диалектов	б) „Ра-кающая“ (южная) группа диалектов
1) Чавчувенский 2) Каменский 3) Апукинский 4) Паренский ¹ 5) Итканский ¹	1) Алюторский 2) Карагинский ² 3) Палланский

Для сравнения произношений северной и южной групп возьмем примеры из чавчувенского и алюторского диалектов. Имея в виду дальнейшее изложение, привлечем также материал луораветланского (чукотского) языка.

Таблица 2

Диалекты		Луораветланский яз.	Значение слова
Чавчувенский	Алюторский		
jaјaјa	raraјa	јарајъ	кочевая юрта
qoјaјa	qoraјa	qоraјъ	домашний олень
jьkyjyп	гьkьgjyп	jьkьgjyп	рот
qerej	qaраг	qəreg	росомаха
jaјol	tatul	jaјcol	лиса
jiquk	tiqok	riquk	песец
jьjka	tъtka	гъtka	морж
jьgjyп	тыlgjyп	rylgjyп	палац

¹ Паренский и итканский диалекты могут быть выделены в особую „ча-кающую“ группу, так как в целом ряде случаев мы встречаем в этих диалектах звук с (русс. 'ч') там, где в прочих диалектах встречаются звуки: j (в „я-кающих“) или t, r (в „ра-кающих“).

² В моей статье „Нымыланский язык“, — Языки и письменность народов Севера, т. III. Труды по лингвистике научно-исследовательской ассоциации Инст. народов Севера ЦИК СССР, т. III, М.—Л., 1934, выделен особый „укинский диалект“. При ближайшем рассмотре-

Примеры, приведенные в этой таблице, характеризуют нам чавчуенский диалект как „я-кающий“, алюторский диалект как „та-кающе-ра-кающий“, луораветланский же язык как резко „ра-кающий“, в некоторых случаях, правда, с оттенком „я-кания“. Причина последнего обстоятельства будет выяснена ниже.

„Ча-кающий“ характер паренского диалекта может быть иллюстрирован 4 и 5 примерами табл. 2.

Таблица 3

Диалекты		Значение слова
Чавчуенский	Паренский	
qérej	qépes	росомаха
jajol	cacol	лиса

II. Группировка диалектов по второму признаку,— разделение на „э-кающие“ и „а-кающие“,— не совпадает с первой. Здесь мы имеем восточную „а-кающую“ группу и западную „э-кающую“. Причем чавчуенский диалект остается вне этой группировки, он занимает как бы среднее положение между „э-кающей“ и „а-кающей“ группами, правда, со значительно большим уклоном в сторону „э-кающих“.

По признаку „э-кающих“ и „а-кающих“ диалекты распределяются следующим образом:

Таблица 4

„Э-кающая“ (западная) группа	„А-кающая“ (восточная) группа
1. Палланский 2. Паренский 3. Итканский	1. Алюторский 2. Карагинский 3. Апукинский 4. Каменский
Чавчуенский	

ции материалов, собранных мною в Карагинском районе Корякского национального округа весной 1934 г., выявились лишь весьма незначительные отличия в говорах нымыланского населения района поселка Караги, с одной стороны, и поселков Уки—Ивашки — с другой. Поэтому в настоящей статье под названием карагинского диалекта объединены языковые группировки, ранее рассматривавшиеся раздельно как диалекты карагинский и укинский. Название „тигильский“ диалект заменено названием „палланский“, исходя из принципа названия диалекта по главному поселку группы.

Деление диалектов на восточные и западные несколько неточно, каменский диалект нельзя считать в полном смысле слова восточным, поскольку территория распространения его — северо-восточная часть Пенжинской губы — расположена, в сущности, в северо-западной части Корякского национального округа, во всяком случае, по западную сторону Камчатского хребта. Однако, поскольку большая часть „а-кающих“ диалектов распространена в восточной части округа, „а-кающая“ группа названа восточной.

Вообще, разделение диалектов на „э-кающие“ и „а-кающие“ не столь абсолютно, как группировка их по признаку „я-кающих“ и „ра-кающих“. Итканский диалект хотя и отнесен к группе „э-кающих“, однако, в нем тенденция „э-кания“ выражена не столь резко, как в палланском или паренском диалектах. То же самое карагинский диалект в иных случаях обнаруживает довольно отчетливые признаки „э-кания“.

Для „э-кающих“ диалектов наиболее типичным является палланский. Примеры произношения „а-кающих“ диалектов возьмем из алюторского.

Для сравнения приведем также примеры из чавчувенского диалекта и луораветланского языка.

Таблица 5

Д и а л е к т ы			Луораветлан- ский яз.	Значение слова
Палланский	Алюторский	Чавчувенский		
éjek	ajak	éjek	éek	жировая лампа
éč'en	ac'an	ac'an	écs'n	жир
wéjem	vajam	wéjem	wéem	река
léwut	lavut	léwut	léut	голова
rémk'pn	ramk'pn	jámk'pn	rémk'pn	кочевые
élek	áłak	áłak	élek	летом
pénip	pánin	pénin	pénin	прежний
ewévi	awávi	eqévi	ekwéti	отправился

Каждый из восьми вышеперечисленных диалектов имеет ряд чисто индивидуальных отличительных особенностей как фонетических, так и морфологических.¹ Так, например, в каменском диалекте мы находим ряд

¹ Настоящая статья представляет собою вводную главу подготовляемого к печати исследования диалектов нымыланского языка. Рассмотрению индивидуальных фонетических и морфологических особенностей диалектов нымыланского языка посвящены следующие главы этой работы, не вошедшие в этот сборник.

признаков, характерных для луораветланского (чукотского) языка. Карагинский диалект имеет некоторые элементы, роднящие его с ительменским языком.

Для „э-кающих“ диалектов наиболее характерным является строгое соблюдение закона гармонии гласных.

Ряды гармонии гласных в нымыланском (так же в луораветланском) языке следующие:

Таблица 6

Изменяющиеся гласные (1 ряда)	i	e	u
Изменяющие гласные (2 ряда)	e	a	o
Нейтральные гласные	э	ъ	

По закону гармонии гласных, основа слова (или суффикс), заключающие в себе гласные 1 ряда, встречаясь с суффиксом (или основой), заключающими в себе гласные 2 ряда, изменяют свои гласные 1 ряда на соответственные гласные 2 ряда, например:

kéwjɪŋ — ест, kawjelaŋ — едят, — основа — ewji/awje.

Основа ewji изменила свои гласные во втором случае под влиянием звука *a* в суффиксе —laŋ.

Úttb'ut — дерево, ót'bjan — деревянный дом, — основа — utt/ott.

Основа utt в комплексном сочетании с основой ja изменила и на о под влиянием звука *a* в основе —ja.

Короче говоря, гласные 1 ряда не могут присутствовать в одном и том же словообразовании с гласными 2 ряда.

Однако, обратившись снова к табл. 4, мы заметим, что в примерах слов алюторского диалекта сплошь и рядом сочетаются в одном слове *i* с *a* и *u* с *a*, — например, в словах ránin — прежний, lávut — голова, awavi — отправился и т. д.

Все „а-кающие“ диалекты совершенно не соблюдают закона гармонии гласных в отношении звука *a*. Однако сочетания звуков *o* или *e* 2 ряда со звуками *i*, *u* в них так же недопустимы, как и в „э-кающих“ диалектах. Чавчуенский диалект в некоторых случаях, правда сравнительно редких, совпадает с „а-кающими“ диалектами. Ряд основ в чавчуенском диалекте имеет „а-кающую“ огласовку, тогда как в палланском диалекте те же самые основы мы встречаем в огласовке „э-кающей“. Причем характерно, что звук *a* таких основ, отступивших от соблюдения гармонии гласных,

является как бы нейтральным, т. е. свободно сочетается со звуками *i*, *u*, — например:

Таблица 7

Д и а л е к т ы		Луораветланский яз.	Значение слова
Палланский	Чавчувенский		
remkъп	jamkъп	remkъп	кочевье
elek	alak	elek	летом
ereti	ajate	eretgi	он упал
tegърniјkъ	tagърniјk	tegъrniјkъ	охотиться
titkermek	tijkajmak	tirkermek	при царе
kejjuwi	kajju	kejjułt	медведи
pleku	plaku	plekъt	обувь (мн. ч.)
nelgu	nalgu	nelgъt	оленни шкуры

Третий раздел таблицы показывает, что луораветланский язык является в такой же степени „э-кающим“, как палланский диалект нымыланского языка. Таким образом, в отношении соблюдения закона гармонии гласных различными диалектами нымыланского языка и луораветланским языком наблюдается следующая картина:

- а) „а-кающие“ диалекты совершенно не подчиняются этому закону в отношении звука *a*, который в этих диалектах является как бы нейтральным.
- б) „э-кающие“ диалекты нымыланского языка и луораветланский язык полностью соблюдают закон гармонии гласных.
- с) в чавчувенском диалекте мы наблюдаем известное количество отступлений от этого закона.

Очевидно мы имеем здесь дело с общей для нымыланского языка, в целом, тенденцией распада гармонии гласных, причем процесс распада происходит в сторону перегласовки на *e*. Наиболее развитившимся в этом направлении является алюторский диалект. В чавчувенском диалекте можно отметить первые признаки проявления „а-кающей“ тенденции.

Вторым критерием классификации диалектов нымыланского языка мы взяли разделение их на „я-кающие“ и „та-кающе - ра-кающие“.

В отношении отсутствия звука *r* все „я-кающие“ диалекты стоят ближе к чавчувенскому диалекту, чем к диалектам ра-кающей группы. Однако „я-кающие“ диалекты — каменский, итканский и паренский — все же обнаруживают вполне отчетливую тенденцию перехода чавчувенского *j*, если не в *r*, то в фонетически родственные звуку *r* спиранты того же переднеязычного ряда, а именно в звуки *ʃ*, *ʒ*.

Особенно характерен в этом отношении каменский диалект.

Таблица 8

Д и а л е к т ы			Значение слова
Чавчувенский	Каменский	Алюторский	
jajája	zääja	rarája	кочевая юрта
jajtъk	zajtъk	rétъk	возвращаться домой
jyjylqyk	zyljz'sqak	jyljy'sqak	на обрыве
jonatgъjyñp	zunátgъtъjyñp	junátgъrъjyñp	жизнь
tekjetъk	taksátъk	takrátъk	спускаться
jiwlek	si'wlak	tivlak	тащить
jélyj	selbj	télyj	туда, дальше

Из сравнения некоторых слов чавчувенского, каменского и алюторского диалектов мы ясно видим, что звуку *j* чавчувенского диалекта, которому в алюторском диалекте соответствуют звуки *г*, *т*, в каменском диалекте соответствуют звуки *z*, *s*.

В итканском и паренском диалектах звук *z* отсутствует. Однако случаи соответствия чавчувенского *j* звукам *š*, *c*, *t* наблюдаются в этих диалектах в большом количестве. Особенно часто на месте чавчувенского *j* мы встречаем в итканском и паренском диалектах звук *s*, — например:

Таблица 9

Д и а л е к т ы				Значение слова
Чавчувенский	Итканский	Паренский	Алюторский	
qérej	qéreš	qéreš	qápar	росомаха
ŋajŋnojtъj	nashňnojtъj	nashňnojtъj	gargynoj	наружу
jíquk	siquk	tiquk	tiqok	песец
jajol	cacul	cacul	tatul	лиса
icset	ijjes	?	irran	охотничья партия (бригада)

Предыдущие две таблицы говорят о следующих соответствиях согласных звуков по диалектам:

$$t \sim c \sim s \sim z \sim r \sim j$$

Правда, многие формы паренского, итканского и каменского диалектов совершенно совпадают с чавчувенскими в отношении „я-кания“.

Принимая во внимание „я-кающий“, в основном, характер каменского и паренского диалектов, нам пришлось отнести их в „я-кающую“ группу. Однако „я-кание“ диалектов, относящихся к этой группе, наблюдается в каждом из них в весьма различной степени. Абсолютно „я-кающими“ являются диалекты чавчуенский и апукинский. Следующими по степени „я-кания“ должен быть признан каменский диалект. Правда, в нем мы нашли наибольшую степень приближения к „ра-кающей“ группе — звук *z*. Однако, в виду того что суффиксы *-jъп*, *-laј* и целый ряд других форм в каменском диалекте имеют „я-кающий“ характер, а в паренском и итканском диалектах мы встречаем в этих формах звуки *š* или *t*, каменский диалект в общей массе гораздо богаче „я-канием“, чем диалекты паренский и итканский.

Сравнение диалектов „я-кающей“ группы между собою приводит нас к следующим выводам:

- 1) Звук *g* отсутствует во всех диалектах этой группы.
- 2) Звук *š* свойственен всем диалектам „я-кающей“ группы, за исключением чавчуенского.
- 3) Одному из диалектов „я-кающей“ группы — каменскому, свойственен звук *z*, соответствующий чавчуенскому *j*, итканским и паренским *c*, *s*, *t*.
- 4) Для итканского и паренского диалектов в роли каменского *z* характерны звуки *š*, *s*.

Привлекая для сравнения материал „та-кающе-ра-кающих“ диалектов нымыланского языка, а также материал луораветланского языка, мы можем составить следующую таблицу соответствий согласных звуков по диалектам:

Таблица 10

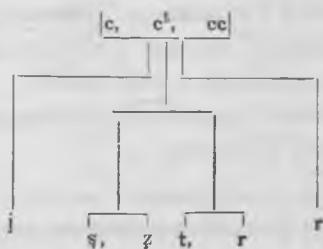
Диалекты:				
Чавчуенский	<i>j</i>	<i>s</i>	<i>c^t</i>	<i>cc</i>
Апукинский	<i>j</i>	<i>s</i>	<i>c</i>	<i>cc</i>
Каменский	<i>j z, ſ, t</i>	<i>s</i>	<i>š, t</i>	<i>ss</i>
Итканский	<i>s, c</i>	<i>s, j</i>	<i>š</i>	<i>jj, ss</i>
Паренский	<i>š, t, c</i>	<i>š</i>	<i>š</i>	<i>ss, tt</i>
Алюторский	<i>r, t</i>	<i>š</i>	<i>t</i>	<i>tt, tr, rr, rj, tj</i>
Карагинский	<i>r, t</i>	<i>š</i>	<i>t</i>	<i>tt, tr, rr, rj, tj</i>
Палланский	<i>r, t</i>	<i>š</i>	<i>t</i>	<i>tt, tr, rr, rj, tj</i>
Луораветланский язык (мужское произношение)	<i>r(j)</i>	<i>t</i>	<i>t</i>	<i>tt, ū, rr, rj, c^j</i>

Анализируя распределение диалектов по признакам „э-кания“ и „а-кания“, мы отметили наличие в нымыланском языке процесса разру-

шения гармонии гласных. На основании соответствий согласных звуков по диалектам, представленных в этой таблице, мы также можем сделать некоторые выводы. Отмеченные соответствия согласных передне-язычного ряда (а также средне-язычного *j*) мне кажется естественнее всего будет объяснить как образовавшиеся в результате расщепления аффрикатов *c*, *c^l*, *cc*, частично сохранившихся до настоящего времени в диалектах „я-кающей“ группы.

Предполагаемый процесс расщепления аффрикатов *c*, *c^l*, *cc* может быть представлен в виде следующей схемы:

Схема А

Конечно, для того чтобы полностью подтвердилось наличие в нымыланском языке процесса, представленного схемой А, необходимы более полные данные по истории языка, анализ которых может явиться предметом специального исследования. Однако кое-какие данные из истории языка, могущие служить подтверждением приведенной схемы, мы имеем уже в настоящее время.

Став на вышеизложенную точку зрения, мы должны будем признать диалекты чавчуенский и апукинский сохранившими более ранний фонетический строй языка в почти неизменившемся виде, т. е. именно для этих двух диалектов наиболее характерным является наличие и широкое распространение в них вышеуказанных аффрикатов. Интересно отметить, что в чавчуенском диалекте мы наблюдаем ряд случаев, когда звуки *s* и *j* как бы спорят между собой. Например, слово „кедр“, „кедровник“ мы можем с одинаковым правом произнести: 1) *цъсъоцъс*, 2) *цъсъоцъj*; слово „копать“, „рыть“ также имеет двоякую форму: 1) *съськъ*, 2) *յъськъ*; точно так же слово „входить“: 1) *съгельк*, 2) *յъгельк*.

Конечно, было бы опрометчиво строить предположение о том, что чавчуенский и апукинский диалекты представляют собою более раннюю ступень развития нымыланского языка на том лишь основании, что в этих диалектах мы находим нерасщепившиеся аффрикаты. Однако к тому же заключению приводит нас анализ некоторых морфологических особенностей чавчуенского и апукинского диалектов, которыми эти диалекты отличаются от всех прочих диалектов и которые, кстати сказать, являются наиболее существенными морфологическими признаками различия между диалектами нымыланского языка.

Здесь мы вкратце охарактеризуем один из основных морфологических признаков отличия чавчуенского и апукинского диалектов, дабы

иметь возможность продолжить анализ фонетических различий между диалектами.

Одним из наиболее существенных морфологических отличий чавчувенского диалекта от оседлых диалектов нымыланского языка является свойственная чавчувенскому диалекту форма спряжения глагола в настоящем времени. В этом отношении чавчувенский диалект совпадает с одним лишь апукинским диалектом. В чавчувенском и апукинском диалектах форма спряжения глагола в настоящем времени характеризуется префиксом *ku-/ko-* и суффиксом *-ŋ*. В остальных диалектах та же самая форма характеризуется только суффиксом. Суффикс этот *-jkyп* (в „я-кающих“ диалектах) или *-tkyп* (в „ра-кающих“), *-gkyп* (в луораветланском языке). Для иллюстрации дадим сравнительную таблицу по четырем диалектам нымыланского языка. Возьмем также примеры из луораветланского языка.

Таблица 11

Диалекты				Луораветлан- ский яз.	Основа	Значение слова
Чавчу- венский	Апукин- ский	Камен- ский	Алютор- ский			
коjвоj kukjevъj	kojvoj kukjavъj	jъvojkyп kъjaunъj- kъп	jъvotkъп kъjavъt- kъп	jorkъп kъjeurkъп	jvo (jо, jъvo) kjev/kjav	начинается пробуждается
kitъj kotvaj kujylqetъj kovetafъj	kitъj kutvaj kujylqatъj kovetafъj	itъjkъп vajkъп zylqatъj- kъп	itъtkъп отсутств. jylqatъt- kъп	itъrkъп varkъп jylqetъrkъп	it/et tva (va) jylqet/jylqat	(он) есть пребывает спит
			vetatъt- kъп	migciretъrkъп	vetat (луор.— migciret)	работает

В таблице приведены глагольные формы 3-го лица ед. числа наст. времени как наиболее простые, не имеющие каких-либо добавочных префиксов и суффиксов, указывающих на лицо или число действующего субъекта. Например, в формах 1-го л. ед. ч. *t-* — и мы имеем префикс *тьки-/тько-*; формы мн. числа усложняются признаком множественности, суффиксом *-la-*, и мы имеем во мн. числе спряжения глагола в настоящем времени вместо суффикса *-ŋ*, суффикс *-laŋ*.

Суффикс *-jkyп* (алюторский *-tkyп*, луораветланский *-gkyп*) не чужд чавчувенскому диалекту. Мы встречаем этот суффикс в глагольных формах условного (пожелательного) наклонения, например:

qъv tate(j)kyп — поработал (пусть будешь работать), основа *vetat*;
пъjpete(j)kyп — пусть он живет, основа *jupet*.

Кроме того, на ряду с обычной формой будущего времени, характеризующейся префиксом *je-* | *ja-* и суффиксом *-n* (совпадающим с суффиксом *-n* спряжения наст. вр.), в чавчувенском диалекте существует форма будущего времени более условного характера, признаками которой являются тот же префикс *je-* | *ja-* и суффикс *-jkyп*, например:

jejúpetyjkyп — будет жить (в смысле „он предполагает там жить“), основа *jupet* | *jopat*.

javétabtyjkyп — будет работать (в смысле „он должен работать“), основа — *vetat*.

Во всех прочих диалектах нымыланского и луораветланского языков также имеются вышеупомянутые формы условного (пожелательного) наклонения и условного будущего времени и характеризуются они тем же суффиксом *-jkyп* (-*tkyп*, -*rkyп*), однако в остальных диалектах нымыланского и луораветланского языков суффикс этот, кроме того, служит также показателем настоящего времени.

Поскольку суффикс *-jkyп* (-*tkyп*, -*rkyп*) не чужд чавчувенскому диалекту и существует во всех прочих диалектах нымыланского языка, а также поскольку мы встречаем его в луораветланском языке с тем же самым значением, как в оседлых диалектах нымыланского языка, мы вынуждены признать значительную древность этой формы в языках нымыланско-луораветланской группы. Форма же *ku- | ko- — -n* соответственно этому либо должна быть признана возникшей позднее, когда чавчувенский диалект уже изолировался от остальных как язык племени, либо, наоборот, является пережитком языка, сохранившимся только в чавчувенском диалекте и утерянным прочими диалектами. Последнее предположение кажется более вероятным. Дело в том, что форма *ku- | ko- — -n* не есть форма настоящего времени в строгом смысле этого слова. В чавчувенском диалекте мы, сплошь и рядом, встречаем следующие словосочетания:

aj̄on kitъn — „Когда-то есть“ (т. е. „когда-то было“);

ækъjер kujuñetъn — „Давно живет“ (т. е. „давно жил“).

Длинное повествование о давнопрошедших временах почти всегда целиком построено на формах *ku- | ko- — -n*. Иными словами, форма *ku- | ko- — -n* объединяет понятие настоящего и прошедшего времени, т. е. представляет собой не что иное, как аорист. В алюторском диалекте форма *vetabtykъп* значит — „он работает“ и ничего больше, именно, сейчас, в настоящее время работает. То же самое в каменском или в каком-либо другом „я-кающем“ диалекте — *vetabtyjkyп* — „он сейчас работает“.

В оседлых диалектах функцию аориста выполняют формы, по значению близкие к формам причастия. Формы эти характеризуются префиксом *ge- | ga-* и суффиксами, образованными от основ личных местоимений. Морфологически эти „причастные“ формы оседлых диалектов, конечно, ничего общего не имеют с формой *ku- | ko- — -n* чавчувенского диалекта. Они близки лишь по своему смысловому значению (аорист).

Не находя аналогий чавчувенской форме *ku- | ko- — -п* ни в одном из диалектов нымыланского языка, кроме апукинского, ни в луораветланском языке, мы вправе идти дальше и искать этих аналогий в третьем сочлене луораветланско-nymylanско-ительменской языковой группы — в языке ительменском. Мы не находим в ительменском языке какой-либо особой формы аориста. Обращаемся к „причастным“ формам ительменского языка:

Таблица 12

1-я форма „причастия“		2-я форма „причастия“	
префикс	суффикс	префикс	суффикс
<i>k'-</i>	<i>-in/-en/-an</i>	<i>k'-</i>	<i>-къпин/-къпен</i>

На конкретных примерах особенно бросается в глаза близость ительменских „причастных“ форм форме *ku- | ko- — -п* чавчувенского диалекта:

Таблица 13

Чавчувенский диал. нымыл. яз.	Ительменский яз. (1-я форма)	Ительменский яз. (2-я форма)	Основа слова	Значение основы
<i>kunuŋnin</i>	<i>k'nuin</i>	<i>k'nuкъпин</i>	<i>nu/no</i>	{ съедать потреблять
<i>kule'uŋnin</i>	<i>k'lexlin</i>	<i>k'lex къпин</i>	{ нымыл. <i>le'u</i> ительм. <i>lexl</i>	{ видеть
<i>kovetatb'ij</i>	<i>k'vetaten</i>	<i>k'vetatкъпен</i>	<i>vetat</i>	работать

Ительменская форма *k'- — -in | -еп* представляется наиболее формально близкой форме *ku- | ko- — -п* чавчувенского диалекта, особенно если принять во внимание, что в ительменском языке мы в целом ряде случаев наблюдаем звук *п* там, где в нымыланском языке встречается звук *п*, например:

Таблица 14

Диалекты		Ительменский яз.	Значение слова
Чавчувенский	Алюторский		
<i>miŋk'je</i>	<i>taŋk'b</i>	<i>manke</i>	куда
<i>ŋ'pnvq</i>	(amk'ka)	<i>n'pn'č</i>	много
<i>l'qleŋk'</i>	<i>laqlaŋk'</i>	<i>xankule</i>	зимой

Конечно, вопрос о соответствии ительменских „причастных“ форм форме *ku-* | *ko-* — *-п* чавчувенского диалекта нымыланского языка требует дополнительного рассмотрения. Если же это соответствие окончательно подтвердится, то сделанное сопоставление приведет нас к выводу о том, что чавчувенский (так же апукинский) диалект сохраняет более древние формы нымыланского языка.

Однако вернемся к рассмотрению фонетических различий между диалектами. Анализируя табл. 10, мы сделали предположение о наличии в нымыланском языке процесса расщепления аффрикатов *c*, *c'*, *cc*, в результате которого мы имеем в настоящее время соответствия по диалектам согласных передне-язычного ряда (а также средне-язычного *j*).

Нет сомнений в том, что собственные мужские и женские имена нымыланов, а также имена и прозвища героев нымыланской мифологии как элементы языка, непосредственно соприкасающиеся с наиболее консервативным социальным фактором — религией, должны были дольше сохранить первоначальную фонетическую форму, чем слова того же корня, однако не имеющие отношения к религии. И, действительно, подтверждение этому мы находим на примерах, правда, пока только трех слов, которые представляют собою названия промысловых зверей, — „лиса“ и „белуха“. Сопоставляя названия этих двух зверей с собственными именами, происходящими от того же корня, а также с именами героев мифологии, мы видим, что имена собственные и имена сказочные сохраняют аффрикат *c*, тогда как в промысловых словах того же корня мы встречаем в различных диалектах те или иные согласные нижнего ряда схемы А (см. стр. 298).

Таблица 15

Диалекты	Слово „лиса“	Собственное имя	Сказочное прозвище лисы
Чавчувенский	<i>jaŋol</i>	<i>Cacol</i> ¹ (мужское)	<i>Jajoca-ŋawut</i> ²
Алюторский	<i>tatul</i>	<i>Sacuc</i> ¹ (женское)	<i>Cacuca-ŋawut</i> ²
Итканский	<i>cačul</i>		
Луораветланский яз. . .	<i>jaŋcol</i>		

1 Имена *Cacol*, *Sacuc* в сознании нымыланской массы в настоящее время, конечно, утратили свое первоначальное смысловое значение, чему способствовало возникшее в процессе развития языка различие звукового состава этих имен и предметных основ, первоначально с ними тождественных. Однако лица, более тонко разбирающиеся в своем родном языке, до настоящего времени сохранили ощущение первоначального смысла этих имен. Ограничусь примером из народа нымыланской художественной литературы: т. Кецай Кеккетын, в настоящее время студент Института народов Севера, в своей повести о жизни батрака Эвныто избрал для имени хитрого как лисица кулака, хозяина Эвныто, имя *Cacol*, ясно сознавая, что это имя и современное слово чавчувенского диалекта *jaŋol* — ‘лиса’ имеют в себе нечто общее (см. *Qessaq Kekketyn*. — „Ewňyto val'an“. Изд. Детской литературы при ЦК ВЛКСМ, Л., 1936).

2 (-ŋewut) / -ŋawut — обычное окончание женских имен, от корня *ŋew* / *ŋaw* — женщина.

Таблица 16

Диалекты	Слово „белуха“	Сказочное „белушье существо“ или „белуха-человек“
Чавчувенский	jiji'ji (осн. jiji)	Cicic'эн (основа cici)
Палланский	riri'je (осн. riri)	Cicis'эн или Sisis'an ¹

С точки зрения все того же процесса расщепления аффрикатов *s, c^t, ss* небезинтересно луораветланское слово *ja:jol*, приведенное в табл. 15 и охарактеризованное ранее при анализе сопоставлений, данных в табл. 2 (см. стр. 291) как отступление от „ра-кающей“ тенденции луораветланского языка. В луораветланском языке слово *ja:jol* — лиса существует на ряду с описательным термином *celbъ-reqokalgyн* — „красный песец“. Оно видимо, вытесняется описательным термином. И это вполне понятно. Лиса на территории луораветланов встречается гораздо реже, чем песец. Что же мы видим? — Малоупотребительное и вытесняемое слово *ja:jol* именно благодаря тому, что оно редко употребляется и начинает забываться, не подчинилось „ра-кающей“ тенденции луораветланского языка и сохранило более древнюю фонетическую форму, характеризующуюся аффрикатом *s* и спирантом *j*, тогда как в алюторском и прочих „ра-кающих“ диалектах нымыланского языка на соответствующих местах мы встречаем в этом слове смычный *t*.

Чавчув. диал.	Алют. диал.	Палл. диал.	Луор. яз.
лиса:	ja:jol	tatul	ta:tol

Если мы признаем более архаичный характер женского произношения в луораветланском языке по сравнению с мужским, то и в этом мы найдем факты, подтверждающие наличие в языке процесса расщепления указанных аффрикатов. Луораветланские женщины произносят *s* (звук близко родственный русскому *ц*) как раз там, где в мужском произношении луораветланского языка мы имеем звук *r* (русск. *р*) например (по В. Г. Богоразу):

Мужск. произношение	Женское произношение
ramkъссып — народ	самкъссып — народ
гэдэгъкъп — „что ты делаешь“	сэдэссып — „что ты делаешь“

То же самое в несколько других соответствиях мы наблюдаем в алюторском диалекте нымыланского языка.

¹ Суффикс *-s'эн*, *-c'эн*, *-l'эн* — словообразующий суффикс, придающий предметной основе значение: „имеющий отношение к данному предмету“, например: пъ/тпъп — поселок, основа пъп; пътыл'эн — поселянин, житель.

Таблица 17

Мужское произношение	Женское произношение	Перевод
§ asgi ръса Sasus	с aegi ръса Сасус	сегодня, теперь, сейчас постой, погоди женское имя

Отметим теперь еще один фонетический процесс, который, правда, едва лишь намечается в языке.

Процесс этот — переход от дифтонгов к монофтонгам.

„Ра-кающий“ алюторский диалект не раз был отмечен как ушедший наиболее далеко вперед по пути развития I и II фонетических процессов. Сравнительный словарь алюторского и чавчувенского диалектов, вернее, сравнение алюторского диалекта со всеми прочими диалектами нымыланского языка выявляет нам еще один весьма интересный индивидуальный отличительный признак алюторского диалекта. Обратимся к материалу:

Таблица 18

Значение слова	Д и а л е к т ы			
	чавчувенский	алюторский	Дифтонг чавч. д.	Монофтонг алют. д.
Сущ. „оленевод“	cawcsw	sosiv	au (aw)	o
„куropатка“	jewjew	roro	eu/au (ew/aw)	o
„в (на) голове“	lewtbk	lotbk	eu/au (ew/aw)	o
Глаг. „есть“ (питаться)	ewjik	ojik	eu/au (ew/aw)	o
Прил. „безголовый (неумелый) ты“	elejtkejgi	alotkegъ	1 ei (eu) ai (au)	1) o
			2 ei/ai	2) e
Сущ. „медведь“	kaјjъp	kejъn	ai (aj)	e
Глаг. „возвращаться“	jajtъk	reťk	ai (aj)	e
Нар. „скверно“	ađajqъka	ađeqъka	ai (aj)	e
Сущ. „гусь“	ejtu'ejt	itu'it	ei (ej)	i
Нар. „близко“	cejtmъk	simbъk	ei (ej)	i
Союз „ибо“	тьjew	mъrej, mri	eu (ew)	ei, i
Суфф. длительности действия .	-lqeу-	-lqej-, -lqi	eu (ew)	ei, i

Анализируя приведенные примеры, мы должны принять во внимание, что 2, 3 и 4-й примеры не являются переходами чавчувенского

дифтонга *eu* в алюторское *o*. Алюторский диалект как „а-кающий“ дал сначала перегласовку чавчувенских слов со звуком *e* на *a*, т. е. в алюторском диалекте было:

lawtъk	вместо чавчувенского	lewтъk
jawjaw	"	jewjew
awjik	"	ewjik

Таким образом, во 2, 3 и 4-м случаях имеем вполне закономерный переход сначала *eu* ~ *au*, а затем *au* ~ *o*.

Чистый дифтонг *eu* (со звуком *e* 2 ряда) в алюторском диалекте сначала перешел в дифтонг *ei*. В настоящее время дифтонг этот по аналогии с прочими случаями перехода *ei* ~ *i* также переходит в *i*. Для слова *mgej* очень характерно двоякое произношение его представителями алюторского диалекта. В слове *elejtъkejgi* — первый дифтонг *ei* в самом чавчувенском диалекте получил перегласовку *eu* ~ *ei* (основа *lewt* | *lawt*) — голова. Алюторский же диалект преобразовал это слово согласно своей тенденцииmonoфтонгизации из его первоначального вида *elewtъkejgi* — сначала в *alawtъkegъ*, как „а-кающий“, а затем в *aloтъkegъ*, как monoфтонгизирующий. Таким образом, и в этом, на первый взгляд, отступающем от общего правила случае мы имеем те же закономерные переходы: *eu* ~ *au* ~ *o* и *ei* ~ *ai* ~ *e*.

Следовательно, мы имеем следующие соответствия monoфтонгов алюторского диалекта дифтонгам чавчувенского:

Таблица 19

Чавчувенский диалект	au	eu	ai	ei
Алюторский диалект	o	ei, i	e	i

Дифтонги *ui* (*uŋ*) и *oi* (*oŋ*) в алюторском диалекте не monoфтонгизируются. Дифтонгов типа *ia*, *ea*, *ua* в нымыланском языке нет.

Теперь нам предстоит задача рассмотреть, как относятся к процессу monoфтонгизации прочие 6 диалектов нымыланского языка.

Таблица 20

Чавчувенский диалект	au	eu (ei)	ai	ei
Апухинский "	au	eu	ai	ei
Каменский "	au	au	ai	i
Итканский "	au	eu	ai	i
Паренский "	au	eü	ai	i
Палланский "	au	ei, i	ai	i
Карагинский "	au, o	ei, i	ai	i
Алюторский "	o	ei, i	e	i

В луораветланском языке процесса монофтонгизации дифтонгов не наблюдается.

Таким образом, мы приходим к заключению о наличии трех фонетических процессов в нымыланском языке, по линии развития которых намечаются основные фонетические расхождения диалектов нымыланского языка. Процессы эти следующие:

I. Процесс разрушения гармонии гласных, по мере развития которого происходит разделение диалектов на „э-кающие“ и „а-кающие“.

II. Процесс расщепления аффрикатов *c*, *c^t*, *cc*, результатом которого является разделение диалектов на „я-кающие“ и „та-кающе-ра-кающие“.

III. Процесс монофтонгизации дифтонгов.

Наиболее развившимся по линии всех трех процессов представляется нам алюторский диалект. Наиболее отсталым — чавчуенский. Эти два диалекта являются как бы двумя „фонетическими полюсами“ нымыланского языка, между которыми в стройный ряд располагаются все прочие диалекты.

Мы могли бы попытаться обосновать предположение о задерживающем влиянии чавчуенского диалекта на известную часть прочих диалектов и о прогрессивном влиянии алюторского диалекта на другую часть их. В зависимости от степени проявления того или иного влияния мы могли бы усмотреть в одних диалектах говоры чавчуенского диалекта в узком смысле этого слова, в других — говоры алюторского диалекта. Однако для того чтобы делать какие-либо выводы о распределении языковых группировок, объединяемых нымыланским языком на говоры в пределах диалектов, мы пока еще не имеем достаточных этнографических данных; основываясь же на одних языковых данных сделать этого невозможно.

В плане продолжения настоящей лингвистической работы перед нами стоят следующие задачи: 1) рассмотреть и проанализировать основные морфологические различия диалектов; 2) рассмотреть и проанализировать индивидуальные отклонения диалектов от общей фонетической и морфологической нормы; 3) рассмотреть и проанализировать расхождение диалектов по линии а) лексики, б) синтаксиса; 4) в особом рассмотрении нуждается вопрос о месте, занимаемом луораветланским языком по отношению к диалектам нымыланского языка.

Всем этим вопросам посвящены следующие разделы этой работы. Рассматривая их, мы тем самым подготовляем языковый материал, необходимый для того, чтобы подойти вплотную к разрешению вопроса о происхождении диалектов нымыланского языка, по пути к разрешению которого настоящая статья является первым этапом.

S. STEBNICKIJ

LES DIFFÉRENCES PHONÉTIQUES DES DIALECTES DE LA LANGUE NYMYLANE.
(KORIAK)

Résumé

La langue nymylane se divise en 8 dialectes. Le terme „dialecte“ est employé ici dans un sens conventionnel. Une analyse plus approfondie obligerait dans la suite à reconnaître la plupart de ces dialectes comme des parlers. Les groupes formés par les Nymylanes parlant un même dialecte se distinguent entre eux non seulement au point de vue de la langue, mais aussi par certaines particularités économiques, sociales et idéologiques. Les caractères distinctifs fondamentaux des dialectes de la langue nymylane sont d'ordre phonétique. Les différences dans le domaine de la morphologie, de la syntaxe et de la lexicologie sont fort insignifiantes. Les différences phonétiques font conclure à l'existence dans la langue nymylane des trois processus phonétiques suivants: 1) processus de destruction de l'harmonie des voyelles, qui a pour résultat de diviser les dialectes en „dialectes en e“ et „dialectes en a“; 2) processus de dissociation des fricatives *c*, *c'*, *cc*, conduisant à la division des dialectes en „dialectes en j“ et „dialectes en t et en r“; 3) processus de transformation des diphtongues en monophtongues, qu'on observe dans les dialectes où les deux processus précédents sont le plus avancés. L'étude du degré de développement de ces trois processus dans chacun des dialectes de la langue nymylane conduit à la conclusion que la structure phonétique la plus ancienne s'est conservée dans le dialecte des Tchavtchouvaou (éleveurs de rennes nomades). Au contraires, dans le dialecte d'Aliutorsk, que parle le groupe de Nymylanes demi-nomade occupant le littoral de la mer de Bering depuis la baie de Korf au nord jusqu'à la rivière Tymlat au sud, nous trouvons tous les trois processus développés au maximum. Ces faits nous obligent à supposer que les deux dialectes ci-dessus sont des dialectes de la langue nymylane dans le sens étroit du terme (dialecte—langue de tribu). Quant aux autres groupements linguistiques, ils ne représentent que des parlers de l'un ou de l'autre de ces dialectes. Cette supposition est confirmée par les résultats de l'analyse plus détaillée, qui n'ont pas trouvé place dans le présent article.